

Родник

По этой дороге, мимо старых дуплистых ракушек, через тихие приокские реки, уезжал и возвращался в родные места молодой Лесков. Гимназистом торопился домой на каникулы и на праздники, непременно наведываясь при всякой okazji и позже, в пору губернской службы. Случалось, в ночь трогался из Орла, а к утреннему чаю был уже в родительском доме на Гостомле.

Ездили здесь обычно в две упряжки, останавливаясь, чтобы покормить лошадей, в Кромах — небольшом уездном городке, основанном, однако, в один год с самой Москвою. Река Крома, давшая ему название, была некогда государственными рубежом, кромокской земли. Для защиты от разорительных набегов с юга эти края заселялись выходцами из разных городов и весей. Их своеобразные говоры и наречия, сливаясь, претворялись тут в богатейший русский язык, язык того плодородного подступа, откуда вышли, по словам Бунина, «чуть не все величайшие русские писатели во главе с Тургеневым и Толстым».

...Бегут по сторонам поля и перелески, бегут куда быстрее, чем во времена Лескова. И,

стивенная цель: показать быт гостомельских крестьян, тот быт, который Лескову, по его словам, был знаком до мельчайших подробностей. Собственно, музей этот — своеобразная вещественная иллюстрация к гостомельским произведениям писателя, в первую очередь к «Житию одной бабы».

В обычной классной комнате с окнами на старый почтовый тракт вы оказывается среди всего того, что окружало в повседневной жизни лесковских героев. Вот глиняный кувшин: из такого кувшина Настя поила квасом Степана. Вот кружевные ручники и домотканые постилки. Прядильный гребень, прялка и даже ткацкий стан с начатым полотном. Этой лопатой вынимали из печи хлеба. А с этой седелкой через плечо выходили на свежеспаханное поле...

По-разному можно почтить Лескова. Земляки почтили его просто и хорошо.

От села Гостомли до Панина хутора, где прошло детство писателя, — километра три-четыре вниз по реке Гостомле. Пока здесь нет проезжей дороги, но даже неплохо, что последние километры к Лескову нужно пройти пешком. Есть время подумать, не спеша взглянуть в эти холмистые

что здесь выпало родиться Анне Петровне Керн. Знал, наконец, что Орел «вспоил на своих мелких водах столько русских литераторов, сколько не поставил их на пользу родины никакой другой русский город» (эти слова неизменно возникали в каждом разговоре, и тотчас же вставал за ними их автор — Николай Лесков).

Все это я знал. Но никто так не ощущался в Орле, как Тургенев. Это был действительно его город. С высоким обрывом над Окой. С трепещущей в синеве зеленым, с пестрыми кружевными тенями на траве...

И вот я снова в Орле. И, странное дело, тот же город открывается мне совсем по-другому: в четких подробностях, в напряженном ожидании невероятных происшествий. И слух, завороченный прелестью музыкального повествовательного слова, поражается теперь непреднадежностью сочного слова, ловко влепленного в нервное кружево разговора.

С Раисой Митрофановной Алексиной мы не спеша спускаемся по бывшей Болховской улице, перебирая лесковские сюжеты, и вот уже мимо, обгоняя нас, как на пожар, несется в открытой пролетке «невразумительный» губернатор Трубецкой, чтобы немедленно привести в трепет местную гимназию угрозой собственноручного «на-

Париже, из московской квартиры Пришвина...

Директора Государственного музея И. С. Тургенева Н. М. Нириловскую не нужно представлять нашим читателям. «Литературная газета» писала о ней.

С увлечением рассказывает Нина Максимовна о текущей работе музея, о ближайших планах. В доме, где родился знаменитый историк Т. Н. Грановский, будет открыт еще один коллективный музей. Отдельные залы отводятся здесь самому Грановскому, а также писателю, Петру Киреевскому, писателю и фольклористу Павлу Якушкину, украинскому писателю Марко Вовчок. Мемориальные фонды головного музея позволяют создать в Орле и еще один персональный музей — Леонида Андреева, тем более, что сохранился дом, в котором он родился.

Раньше в музее писателей-орловцев была комната, посвященная Лескову. С 1974 года у Лескова в Орле есть свой дом-музей.

Дом-музей

Когда вы поднимаетесь вверх по улице 7 Ноября, то издали навстречу вам, переграживая улицу, начинает медленно вырастать как бы из-под земли старинный деревянный особняк. Сначала показывается его зеленая крыша, затем — в два окна мезонин, и, наконец, открывается взгляду весь дом, вытянутый в сторону Орлика.

«Наш дом в Орле, — писал Лесков, — был на Третьей Дворянской улице и стоял третий по счету от берегового обрыва над рекою Орликом». Дом остался тем же, но, зная Лескова ребенком, он вмещает теперь всю его жизнь. Около пятисот подлинных экспонатов из обихода Лескова наполняют эти комнаты — от акварели, изображающей господский дом в Горохово, где родился писатель, до перенесенного сюда его петербургского кабинета. И все время вы слышите живой голос Лескова: то спокойный, то лукавый, то раздраженный, то суровый, как приговор: «Кто не любит литературу до готовности принести ей в жертву свое благополучие, тот лучше сделает, если вовсе ее оставит».

Люди, знавшие Лескова, в один голос говорят, что кабинет писателя был похож на своего хозяина: такой же пестрый, яркий, своеобразный. Все здесь с избытком: и книги, которым тесно в шкафу, и картины, портреты, рисунки и рисуночки, покрывающие стены сплошь снизу доверху. Все бы это разбрелось в беспорядке, если бы не стол в центре — прочный, двухтумбовый, под зеленым сукном. За этим столом написаны последние вещи Лескова — «Полунощники», «Административная грация», «Загон», «Зимний день», «Заячий ремешок». И на этот же стол по старой традиции малоимущей литературной братии было положено для прощания тело покойного писателя.

Тишина стоит в кабинете. Только мерно пульсируют лесковские часы на стене, будто доносятся издали голоса панинского родника...

Книга отзывов музея хранит много признательных слов. Вот что написал, к примеру, несколько лет назад Константин Симонов: «С большой радостью и глубоким удовлетворением ходил по этим комнатам, воскрешающим удивительный облик Лескова. Испытываю чувство большой благодарности к людям, которые вложили столько любви и труда в создание этого прекрасного литературного музея. Благодарность эта тем сильнее, что сейчас, уже в немалые годы, заново читаю Лескова, поражаюсь силе его таланта и мощи обуревавших его страстей».

За домом-музеем — бывшая лесковская усадьба. Ленинградский литературовед А. Горелов по газетным объявлениям прошлого века уточнил ее границы. Московский художник-мемориалист А. Мищенко, с детства связанный с Орлом, сделал несколько гравюр, передающих ее обаяние.

Конечно, пришла пора подумать и о восстановлении лесковской усадьбы в Орле.

ТОЛЬКО ЧТО Орел торжественно отметил 150-летие со дня рождения Лескова. Открыта мемориальная доска в Горохово, открыт бюст писателя на Гостомле. А летом величественный памятник Лескову будет сооружен в центре Орла, на берегу Орлика.

Вл. РАДЗИШЕВСКИЙ, специальный корреспондент «ЛГ»

МОСКВА — гор. ОРЕЛ — с. ГОСТОМЛЬ

НА РОДИНЕ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕНАТЫ

ЛЕСКОВА

казалось бы, до Гостомли нынче рукой подать, а добираться мы будем целый день, то и дело сворачивая с большака на проселок. Ведь нет, пожалуй, на Орловщине, да и нигде нет, кроме, конечно, самого Орла, другого места, которое так густо было бы заселено героями Лескова.

Сначала сворачиваем к Салтыкам, и Раиса Митрофановна Алексина, заведующая орловским музеем Лескова и первооткрыватель многих здешних лесковских мест, показывает заглохшую, старую усадьбу, с которой, по ее предположению, связана весьма драматическая история.

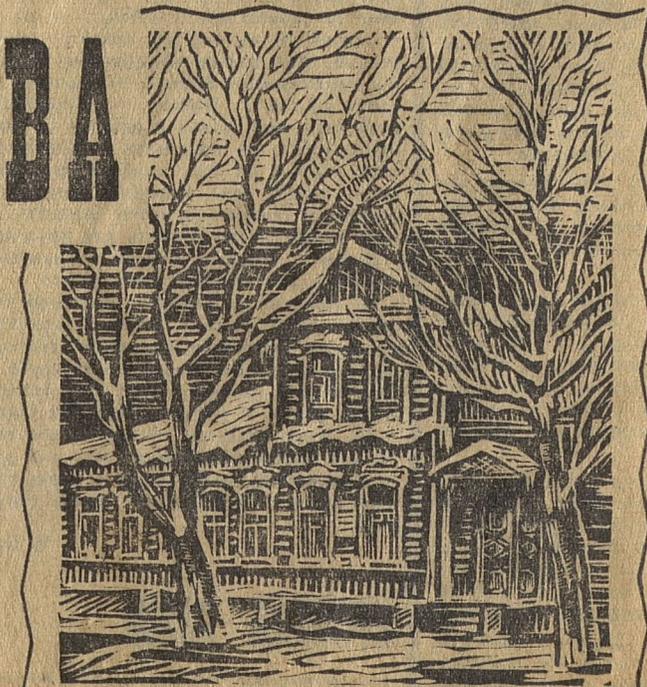
Есть у Лескова рассказ о том, как забунтовались крестьяне против своего управителя. Вот ведь что, ворог, измыслил: беглого мужчину вилкой в кресло привязал, вроде воровца, чтобы сидел и смотрел, как другие работают. В отместку сожгли мужика именине, а самого управителя подняли на кулаки и вон выгнали. Да еще и наотрез отказались принять его обратно, предпочтя каторгу. Потому что «с ним никак нельзя обходиться»: «он язвительный».

— От местных жителей, — говорит Раиса Митрофановна, — мне приходилось слышать, что, дескать, у них в Салтыках Салтычиха жила, известная своим изуверством. Салтычиха как раз не жила, это точно, а «язвительный» управитель — вполне может быть.

Дальше заезжаем в Шахово... Потом останавливаемся в Кромах. А Кромы — это и «Соборяне», и «Некуда», и «Дворянский бунт в Добрыньском приходе», и «Пугало»... Может быть, поэтому что-то очень знакомое, как будто бывал здесь когда-то, есть в этом городке.

А за Кромами — село Гостомля, расположенное в верховье, или, как говорили при Лескове, «в головах» узенькой, но чистой речки с тем же названием. О музее писателя в гостомельской восьмиклассной школе я слышал еще в Москве: мне горячо советовали заехать, посмотреть. Я обещал, но, откровенно сказать, не думал, что это может быть действительно интересно со стороны.

Об особенно ценных, уникальных вещах мы привычно говорим: музейная редкость, тем самым «помещая» в музей лишь редкости из редкостей. Но какие лесковские раритеты можно увидеть в маленькой сельской школе? Разве что не лучшие копии с копий. Оказалось же, увидеть можно многое, потому что этот «детский» музей вовсе не подражает «взрослым» музеям. У него пусть скромная, но своя соб-

Дом-музей Н. С. Лескова в Орле. Гравюра художника А. МИЩЕНКО

дали серединной русской земли, которая родила и наставляла на трудный и долгий путь Николая Семеновича Лескова.

Сам он не раз свидетельствовал, что исток его жизненных знаний и убеждений здесь, на Гостомле: «Я смело, даже, может быть, дерзко думаю, что я знаю русского человека в самую его глубь, и не ставлю себе это ни в какую заслугу. Я не изучал народ по разговорам с петербургскими извозчиками, а я вырос в народе на гостомельском выгоне, с казанком в руке, я спал с ним на росистой траве ночного, под теплым овчинным тулупом, да на замашной панинской толчее за кругами пыльных замашек, так мне непристойно ни поднимать народ на ходу, ни класть его себе под ноги».

...Место, где стоял Панин хутор, обозначают теперь лишь густые заросли сирени. Ничего как будто не осталось здесь от былой жизни. Но на другом берегу Гостомли, под старой ракушкой, по-прежнему выбивается толчками из-под земли мускулистая струйка живой воды. И это настоящий памятник символ, такой же, как тургеневский дуб в Спасском или пушкинская «младшая роща» в Михайловском. — не иссякаемый лесковский родник на гостомельском выгоне...

Город

Десять лет я не был в Орле, и, помню, в прошлый приезд город для меня был заполнен одним Тургеневым... Конечно, я знал, что в Орле долго жил и похоронен Алексей Петрович Ермолов, как Пушкин по дороге в Арзрум сделал двести верст лишних, чтобы с ним встретиться. Знал,

прягая». А вслед ему раздаются восхищенные возгласы:

— И-и-их, как ён садит! Ажно быдто весь город тарактит.

Это — Орел Лескова. А есть еще бунинский Орел и Орел Леонида Андреева...

Академик Д. С. Лихачев, побывавший здесь в прошлом году на лесковской научной конференции, предложил создать в Орле первый в стране городской историко-литературный заповедник, и это предложение повсюду нашло и понимание, и поддержку, что вообще характерно для отношения орловцев к охране памятников культуры.

На каждом шагу в Орле я слышал: этот дом помнит... эта улица помнит... Конечно, помнят — и дом, и улица. Но только — вместе с нами, благодаря нашей заботе. Ведь и памятью, и забвением наделяем эти вечные камни мы сами.

Музейный центр Орла — Государственный музей И. С. Тургенева. Но музей Тургенева — это не только особняк в городе, но и усадьба Спасское-Лутовиново на севере области. Огромный старинный парк, величественный дуб, посаженный самим писателем, знакомы мне по прошлой поездке. Но дом, в котором жил Тургенев, я вижу впервые. Десять лет назад на его месте ничего не было. Теперь этому невозможно поверить.

Филиалом музея Тургенева является также музей писателей-орловцев. В его залах посетители ожидают встречи с Фетом и Буниным, с Леонидом Андреевым и Пришвиным, Иваном Новиковым и другими известными литераторами. Только в последнее время музей пополнился вещами из бунинского кабинета в

Очарованный Россией

как правды и борьбы со злом. Он — наблюдательный пункт, с которого многое становится виднее.

Лесков — не психолог, от себя он рассказывает только факты, случаи, не говорит, «о чем думает» его персонаж. Зато ему необходим рассказчик — часто сам по себе («Очарованный странник») или близкий к фактам человек (архиерей в «На краю света»). Ему нужно дать в язык и остроумие, и нравоучительный дар с понятием правды, и сноровку или удал, и артистизм, и горючку — все через язык, в котором подчеркнута героичность всего этого.

В предисловии к «Печерским антикам» Лесков говорил о том, что создавал свои образы «каких-нибудь неважных людей, которые, однако,

самою своею жизнью, до известной степени, выражают историю своего времени».

«Несмертельный Голован» и «Очарованный странник» связаны темой: народный герой, которому смерть на роду не писана, — символ русского несмертельного народа.

Влюбленный в Голована, Лесков пишет о нем: «Голован вел себя так, как будто он даже совсем не знал ничего настоящего о наилучшем пути, а жомил хлеб от своей крайности без разбору каждому, кто просил, и садился за чей угодно стол, где его пригласили». Так и Лесков. Он — «несмертельный», прошел через все бедствия, как его «очарованный странник». Он — «очарован» Россией.

«Штопальщик», «Чертогон» и «Путешествие с нигили-

стом» — малые жанры Лескова, юмористические новеллы, подготавливающие Чехова.

Установка на сказ. Все вещи Лескова пишутся либо как «воспоминания», либо как рассказы «кстати» оособо, мотивированного рассказчика. «Очарованный странник», «Смех и горе», «На краю света», «Интересные мужчины»... Часто — по документам или стенограммам: «Интересные мужчины» — по стенограмме, материал для «Таинственных предвестий» — отрывочная записка А. Н. Муравьева, «Загадочное происшествие в сумасшедшем доме» — по бумагам Пеликана и т. д.

Язык Лескова убедительнее всех его идей, мнений и размышлений: это язык человека, который захлебывается от восторгов жизни, от любви к человеку и России, от

Публикацию подготовила С. МИТРОХИНА

Архив ЛГ

Известный советский литературовед и критик Борис Михайлович Эйхенбаум, давая будущим поколениям своею основной работой — исследованием творчества Л. Н. Толстого, много сил отдавал изучению литературного наследия Лескова. Он постоянно собирал данные для будущих работ о Лескове, занес при этом в дневник: «Как совладать с таким огромным и неразработанным материалом».

Многие мысли исследователя записаны в конспективной форме, «для себя», иногда — в форме гипотезы.

Публикуемые отрывки представляют собой выписки из обширного архива Б. М. Эйхенбаума, хранящегося в ЦГАЛИ.

Лесков помогает многое уяснить в современной прозе, и обратное — исходя из современной прозы, многое проясняется в Лескове.

Лесков — самый мятущийся русский писатель в поис-